

«ИЗ ДНЕВНИКА» В. ХОДАСЕВИЧА: ЗАМЕТКА О ГЕНЕЗИСЕ ДВУХ ОБРАЗОВ СТИХОТВОРЕНИЯ

Павел Успенский
(Тарту)

1–2 сентября 1925 г. В. Ходасевич написал стихотворение «Из дневника», вошедшее впоследствии в раздел «Европейская ночь» в «Собрании стихов» (1927 г.):

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?
Непостижимостей свинец
Все толще над мечтой понурой, —
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительной брошюрой.
Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволкнуться, как утробой [Ходасевич 1989: 174].

Цель нашей небольшой работы — выявить генезис двух образов. Речь пойдет о *зародыше* в третьей строфе и о *кузнеце* во второй. Но сначала — несколько слов о самом стихотворении.

Написанное классическим четырехстопным ямбом с рифмовкой ААБАБ (с вариацией во второй строфе АБААБ), стихотворение посвящено переживанию усталости от жизни и невозможности ее изменить. У Ходасевича уже были стихи с таким заглавием. В 1921 г. рифмованная «дневниковая запись» провозглашала ницшеанское могучее прорастание собственного духа, который, прорезавшись, «сбросит прочь изношенную оболочку» и «тысячоек — канет в ночь, не в эту серенькую ночку» [Там же: 138]. Спустя четыре года от подобных порывов не осталось следа.

«Из дневника» 1925 г. можно воспринимать как текст, находящийся в глубинной полемике с одноименным стихотворением из «Тяжелой лиры»¹.

В приведенных стихах медитативность соединяется с несколько упрощенным эмоциональным состоянием раздражения от жизни, приводящим к отрицанию ее ценности. Вероятно, заглавие «Из дневника» возникло в этом случае для того, чтобы смягчить абсолютизирующий эффект стихотворения, вписать его в некий воображаемый широкий контекст, в котором сформулированная в поэтической речи эмоция встраивается в более богатый набор эмоциональных переживаний. Одновременно заглавие текста заставляет читателя соотносить его содержание исключительно с образом поэта и не придавать ему тотального, проецирующегося на всех, значения. В противном случае слова высокого стиля и поэтизмы (*купель*, *мытариться*, *мечта*) воспринимались бы как ироничные.

«Из дневника» гармонично сочетает в себе намеренную литературность и образы, редкие для русской поэзии. Так, строки «Да что поймешь ты в ней, спеша / Между купелию и моргом», как кажется, являются аллюзией на стихотворение Боратынского, первые строки которого звучат так: «На все свой ход, на все свои законы. / *Меж люлькою и гробом* спит Москва» <курсив здесь и далее наш. — П. У.> (с дальнейшим мотивом спешки: «И погналась за модой новосветской»; предполож. 1838–1839 гг.; впервые опублик. М. Л. Гофманом в изд. Боратынского 1914–1915 гг. [Боратынский 2012: 102]). Ср. также в более медитативном контексте у К. Случевского: «Было, вот, что-то и нет ничего! / Только и есть, что одно естество, / В вечном брожение начал и концов, / В странствиях *люлек людских и гробов?!*» («Дух отлетает! вот если б в окно!», 1902, из «Загробных песен» [Случевский 2004: 382]).

Ходасевич, однако, сдвигает напрашивающееся при рассуждении о человеческой жизни сочетание *люльки* и *гроба*; вместо этих слов у него — *купель* и *морг*. Последнее слово редко встречается в русской поэзии, несмотря на хрестоматийные строки Пастернака: «О, не об номера ж мараться / По гроб, до мор-

---

¹ Отметим, что точно такая же ситуация была и со стихотворением «Баллада», причем поздний текст полемизировал с ранним (см., напр.: [Попов 2006]).

га!» («Из суеверья»). В перспективе поэтической традиции *морг* ассоциируется с антиэстетизмом французских проклятых поэтов и текстами, ориентирующимися на подобную поэтику. См., напр., стихотворение Р. М. Рильке «Морг» (из сб. «Новые стихотворения» 1907 г.), которое по своей эстетике связано с «Падалью» Бодлера [Рильке 1977: 39, 454]. Ср. также финал стихотворения Б. Поплавского «Другая планета» (опубл. в кн. 1965 г. «Дирижабль неизвестного направления»), посвященного Ж. Лафору: «Пропала насекомых злая рать, / А мы, мы вытянулись умирать. / Замкнулись горы, синий морг над нами. / Окованы мы вечностью и льдами» [Поплавский 1999: 239]. Думается, что Ходасевич в своих стихах в этом случае ориентировался на антиэстетизм европейской поэзии.

Обратимся к интересующим нас образам, которые поддерживают баланс литературной традиционности и необычности стихотворения. В русской поэзии *зародыш* в биологическом значении встречается редко. Наиболее близкие к «Из дневника» случаи сходного словоупотребления — это «Рождество» (1921, сб. «Параболы») Кузмина и «Экспрессионисты» (1923) П. Антокольского. У Кузмина *зародыш* появляется в рамках противопоставления рождения Христа и остальных людей («Без мук Младенец был рожден, / А мы рождаемся в мученьях»): «Не сладкий глас, а ярый крик / Прорежет темную утробу: / Слепой зародыш не привык, / Что путь его подобен гробу» [Кузмин 2000: 498].

Случай с Антокольским, пожалуй, занятнее. У него *зародыш* близок к образу Ходасевича и также появляется в самом конце текста: «Футляр от скрипки, детский гробик — / Все поросло одной травой. / Зародыш крепко спит в утробе / С большой, как тыква, головой» [Антокольский 1936: 66]. *Зародыш* в контексте стихотворения — обещание новой жизни на фоне изменившейся истории, трагических событий прошлого². У Ходасевича же за-

² Эти мысли выражены у Антокольского под влиянием поэтики Пастернака: «Им помнится, как непогода / Шла, растянувшись на сто лет, / Легла с четырнадцатого года / Походной картой на столе... <...> Летят года над городами. / Вопросы дня стоят ребром. / Врачи, священники и дамы / Суют им Библию и бром. // Остался гул в склерозных венах, / Гул времени в глухих ушах. / Сквозь вихорь измерений энных / Протезов раздается шаг».

родыи появляется исключительно в контексте экзистенциального кризиса, он противопоставлен суетному человеческому существованию. Выскажем, однако, аккуратное предположение, что образ из «Экспрессионистов» мог повлиять на текст «Из дневника». Дело в том, что в 1923 г., когда Антокольский написал свое стихотворение, он был за границей и встречался с Ходасевичем. Встречи зафиксированы в камер-фурьерском журнале последнего, они происходили 8, 9 и 11 августа 1923 г. (9 числа поэты совершили совместную прогулку, во время которой Антокольский вполне мог читать свои стихи; [Ходасевич 2002: 48]). Нельзя исключать, что Ходасевич запомнил финал стихотворения и спустя два года использовал его в своем тексте.

К галерее подчеркнуто литературных образов примыкает *кузнец*. В контексте полуфилософского рассуждения его появление выглядит несколько неожиданным, хотя функция сравнения понятна: *кузнец с брошюрой* в данном случае «остраняет» (по терминологии В. Шкловского) начало второй строфы с ее абстрактной *непостижимостью* и шаблонной в поэтическом языке *мечтой*. Однако понятность и остроумность сравнения не снимает вопроса о его генезисе. Действительно, почему для большей наглядности мысли поэт обратился к «любопытному кузнецу»?

В творческом наследии Ходасевича ближайшим контекстом для стихотворения «Из дневника» является статья «Пролетарские поэты», создававшаяся осенью 1925 г. (опубл.: «Современные записки». 1925. Кн. XXVI). В ней творчество поэтов-рабочих, представленное в книге «Пролетарские писатели: Антология пролетарской литературы» (М., [1924]), подверглось едкой и обоснованной критике (метод Ходасевича в данном случае близок к морфологическому — за несколько лет до появления книги Проппа). Нас, в частности, интересует следующий пассаж:

Устроителем этой весны является рабочий, изображаемый преимущественно в виде *кузнеца*. В свою очередь кузнец олицетворяется молотом. Александровский пишет стихотворение «Кузнец». Арский рычит: «Бей, гуди, звенящий молот!» <...> О «кузнецах» длинно сочиняет Филиппенко, а также Шкулев. Тут уж молотов не оберешься, и все многозначительные.

Что же делает иносказательный кузнец иносказательным молотом? Он дробит старый мир, изображаемый при помощи цепей и кузмиров <...>

Кузнец не всегда «бьет». Он также любит «идти вперед»: «вперед, всегда вперед, без отдыха вперед!», как сказал Крайский. <...> Хожение всегда совершается в неизвестном, но благороднейшем направлении [Ходасевич 2010: 340–341].

Уничтоженные язвительным остроумием критика, пролетарские поэты удостоились еще одной нападки: «просматривая книгу, вижу, что в ней нет не только таких забытых зачинателей пролетарской литературы, как хотя бы Алипанов, — в ней нет Некрасова, Никитина, Сурикова, П. Я.» [Там же: 348].

Популярность образа *кузнеца* восходит, по-видимому, к Некрасову, оказавшему на народническую поэзию заметное влияние. Он одним из первых сравнил прогрессивного человека с кузнецом в одноименном стихотворении: «Лишь не остыло б железо горячее, / Ты без оглядки ковал. <...> Грубо ковал ты, но руку умелую / Видно доньне во всем. / С кем ты делился душевною повестью, / Тот тебя знает один. / Спи безмятежно, с покойною совестью, / Честный кузнец-гражданин!» («Кузнец», 1872; [Некрасов: 93]). Правда, в стихах идет речь о видном государственном деятеле Н. А. Милютине, товарище министра внутренних дел, руководившим работами по подготовке крестьянской реформы в России.

Постепенно образ кузнеца закрепился за рядовыми борцами за прекрасное будущее. Ниже мы выборочно приведем ряд примеров (см. также: [Шишкина 1983: 405]) См. у Вас. И. Немировича-Данченко стихи «В кузнице», целиком построенные на революционной символической: «Падает молот тяжелый, / Брызжет железо огнем. / В кузнице с песней веселой / Плуг мы на славу куем» (1882; [П–Д 1968: 616]).

Ср. у Якубовича: «Вот кузнец. Он весь — забота, / Черен, страшен, будто гном; / Щеки, мокрые от пота, / Красным светятся огнем. / Ломит спинушку больную, / Очи жжет, мутится ум; / Но кормилицу мирскую — / Соху он кует: дзизнь! бум! <...> Так и вы, друзья свободы, / Кузнецы земли родной, / Стойте бодро в дни невзгоды / У горна борьбы святой! / Пусть грохочет непогода: / Молот ваших мышц и дум / Счастье выкует народа, / Волю-долю... Дзизнь-дзизнь! бум!» («Кузнецы», 1893; [Якубович 1960: 206]); отметим, что эти стихи были очень популярны в нача-

ле XX в. [Якубович 1960: 443]). Стихотворение под заглавием «Кузнец» (1901) мы встречаем также у Скитальца [РПНВ 1977: 36].

У зачинателей пролетарской поэзии кузнецы и лексемы, связанные с этим образом, встречаются не всегда. Так, их мало у Е. Нечаева и А. Гмырева; у последнего кузнец появляется в трагическом ореоле: «Я кузнец. Темно встаю / И ложусь не рано. / Целый день кую, пою, / Без похмелья пьяный. <...> Где же правда? Ночь — ни зги. / Не найти ответа... / Будьте прокляты, враги / Совести и света...» («Кузнец», 1909). Ср., впрочем: «С Новым годом! Смотрите бодрее. / Нам свобода *скует* яркой славы венец, / Алой кровью зари пламеня» («С Новым годом!», 1906) [РПП 1965: 380, 337].

Однако у Ф. Шкулева частотность образа кузнеца весьма высока и всегда связана с торжественным наступлением счастливого будущего. Вот некоторые примеры: «Пусть давят нас нужда со злом, / Мы счастье светлое куем» («Куем», 1906); «Мы кузнецы, и дух наш молод, / Куем мы к счастью ключи!» («Кузнецы, 1»; 1906; следует отметить, что уже в начале 10-х гг. текст фольклоризировался); «Наши братья ткут основу, / Кто кует тяжелый меч, — / Мы ж из армии свинцовой / Создаем живую речь» («Наборщики», 1910); «Хвала вам, кузнецы, кующим жизнь иную, / Прекрасную, цветущую, как зорная весна, / Благословит ваш труд и вашу мысль благу, / Оковы сбросивши, свободная страна» («Новый год», 1918); «Говорят мехи: “Свободу / Ты куешь, титан-кузнец, / Угнетенному народу, / Павшим всем борцам — венец...” / Молот бьет не наобум, / Верно в цель: “дзиль-бум, дзиль-бум” <...> Что ни взмах — все ближе к цели, / Сталь и гнется и шипит... / Плуг и молот песню спели, / Коммунизм все довершит. / Плугу с молотом мой ум / Посвящает “дзиль!” и “бум!”» («Кузнец», 1919; налицо — перепев стихотворения Якубовича); «Грядущее для нас! / Для нас, кующих жизнь иную / Из хаоса страстей, / В семью сплотившись трудовую / Борцов-богатырей!» («Грядущее для рати трудовой», 1921); «Мы светозарным горном дышим, / Доменным пламенем горим, / Стальной рукою кровью пишем, / Страницы новые творим» («Мы — пролетарские поэты», 1922); «Под металла звук ритмичный / Люди новый мир куют» («Красные песни», 1923) [Там же: 227, 228, 268, 289, 298, 303, 310].

Следующее поколение пролетарских поэтов развило патетику Шкулева, окончательно превратив *кузнеца* (и связанные с этим словом семантические поля) в шаблонный и лобовой образ. См., напр., стихи В. Александровского «Кузнец» (1918), «Кузница при дороге» (1923); Я. Бередникова «Кузницы куют» (1918); А. Гастева «Мы растем из железа» (1914); М. Герасимова «Песнь о железе» (1917), «Зарево заводов» (1919; ср.: «Свободы огненные сохи / Куюм мы, песен кузнецы») и др. [ПППЛСЭ 1959: 77, 116, 141, 188, 198]. Следует также обратить внимание на то, что профессия творца будущего может варьироваться, хотя от смены деятельности героя тип описания не меняется. См. такие стихи, как «Шахтер» С. Обрадовича и «Котельщик» С. Виноградова: «Измятое рябью лицо, / И грязные струйки пота, / Обрызгана блуза свинцом — / От трудной, тяжелой работы. <...> И носятся стучи кругом, / Шипят раскаленные клещи; / Работу в котле мировом / Ведет наш могучий котельщик» [Там же: 320, 360]. Собственно говоря, именно об этой типизации образа и написал Ходасевич.

Мы полагаем, что «любопытный кузнец» пришел в «Из дневника» из очерченного круга текстов. Думая о рабочих поэтах, Ходасевич внутренне бросает им вызов. Он использует ту же образность, что и поэты-пролетарии, однако совершает в своих стихах такой сильный семантический сдвиг, который «бедные российские воспеватели горна и молота» [Ходасевич: 44] не могли себе представить. Таким образом, опираясь на сложившуюся традицию, поэт полностью дискредитирует массу стихотворных опытов нелюбимых Арского, Шкулева и других.

Напоследок отметим два существенных момента. Тот факт, что литературная полемика происходит в рамках употребления одного слова, не должен нас удивлять. Н. А. Богомоллов обратил внимание на случай полемики Ходасевича с Маяковским. Заглавие «Газетчик» и его первая строка, представляющая из себя прямую речь («Вечерние известия!..»), отражает желание поэта вступить в стихотворную полемику со стихами «Война объявлена» (1914) со сходным началом: «Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!» [Богомоллов 2011: 162]. Впрочем, по мысли исследователя, здесь выиграть поединок на чужом поле Ходасевичу не удалось (поскольку стихотворение не вошло в окончательный вариант сборника «Путем зерна», представленный в «Собрании стихов» 1927 г.). Думается, что к подобному умозаключению никак

нельзя прийти в рассмотренном случае, хотя, как мы отмечали выше, основная функция *кузнеца* — остранить смысл второй строфы, а саму полемику можно отнести к внутренним, не столь очевидным для читателя, задачам.

Второй же момент заключается в том, что перед нами случай интерференции публицистической деятельности и поэтического творчества. Нередко складывается впечатление, что у Ходасевича эти творческие сферы разъединены, однако иногда контекст литературной критики оказывается едва ли не смыслообразующим для поэтического текста. Здесь можно вспомнить «Памятник», аккумулировавший споры об исторической роли эмиграции (см.: [Успенский 2012]).

ЛИТЕРАТУРА

- Антокольский 1936: *Антокольский П.* Стихотворения. 1920/1932. Л., 1936.
- Богомоллов 2011: *Богомоллов Н. А.* Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011.
- Боратынский 2012: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1.
- Кузмин 2000: *Кузмин М.* Стихотворения. СПб., 2000.
- Некрасов: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000. Т. 3.
- П–Д 1968: Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968.
- Поплавский 1999: *Поплавский Борис.* Сочинения. СПб., 1999.
- Попов 2006: *Попов Д.* Две «Баллады» В. Ф. Ходасевича // *Русская филология.* 17. Тарту, 2006. С. 71–77.
- ПППЛСЭ 1959: Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959.
- Рильке 1977: *Рильке Райнер Мария.* Новые стихотворения. М., 1977.
- РПНВ 1977: Русская поэзия начала XX века. М., 1977.
- РПП 1965: У истоков русской пролетарской поэзии. Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шкулев, А. М. Гмырев. М.; Л., 1965.
- Случевский 2004: *Случевский К.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2004.
- Успенский 2012: *Успенский П.* «На перекрестке» публицистики и поэтической традиции: к прочтению «Памятника» В. Ф. Ходасевича // *Вопросы литературы.* 2012. № 5. С. 215–239.
- Ходасевич: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996–1997. Т. 3.
- Ходасевич 1989: *Ходасевич В.* Стихотворения. Л., 1989.
- Ходасевич 2002: *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М., 2002.

Ходасевич 2010: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. Критика и публицистика. 1905–1927.

Шишкина 1983: *Шишкина Л. И.* Пролетарская поэзия // История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). С. 395–418.

[эл. версия: <http://feb-web.ru/feb/irl/r10/r14/r14-3952.htm>].

Якубович 1960: *Якубович П. Ф.* Стихотворения. Л., 1960.